

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ АБСУРДА В ПОВЕСТИ ДАНИИЛА ХАРМСА «СТАРУХА»

БЕЗКЛЕЙНАЯ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

учитель немецкого и английского языков
МБОУ «Ильинская средняя школа имени Маслова Ивана Васильевича»
Сакского района Республики Крым

Аннотация. Статья посвящена изучению повести Д. Хармса «Старуха», в которой находят отражение общественные катаклизмы, воспринимающиеся читателем как абсурдные. Доказано, что абсурд и гротеск для автора – это действующее средство описания современной ему действительности.

Ключевые слова: повесть, философия, абсурд, гротеск, психологизм.

**ARTISTIC DISPLAY OF THE PHILOSOPHY OF THE ABSURD IN THE STORY "THE OLD WOMAN" BY
DANIEL KHARMS**

Bezkleynaya S.N.

Abstract. The article is devoted to the study of the story by D. Kharmis «The Old Woman», which reflects social cataclysms that are perceived by the reader as absurd. It is proved that the absurdity and grotesque for the author is an effective means of describing contemporary reality.

Key words: story, philosophy, absurdity, grotesque, psychologism.

Абсурд и гротеск генетически связаны с проблемой смысла и понимания. С позиции философии – абсурд – это проводник метафизической умственной обречённости, трагического признания человеческого бессилия и бунта против очевидного. Сознание деформирует или разрушает устоявшиеся стереотипы, мыслительный процесс протекает вне традиционной логики и структуры.

В данном контексте особый интерес для нас представляет творчество оригинального автора первой половины XX века – Д.И. Хармса. На сегодня доказано, что именно он стал родоначальником литературы абсурда. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечали в своих трудах специфические черты художественных текстов писателя, чередование различных ситуаций без всякой логической последовательности, фрагменты картин действительности (А. Александров, И. Вишневецкий, А. Герасимова, Дж. Гибиан, В. Глоцер, Ж.-Ф. Жаккар, Л. Кацис, Н. Корнуэлл, А. Кобринский, И. Кукулин, И. Левин, М. Мейлах, А. Никитаев, В. Сажин, А. Стоун-Нахимовски, Н. Таршис, Д. Токарев, А. Ханзен-Лёве, Я. Шенкман, В. Шубинский, М. Ямпольский и другие). К сожалению, до сих пор в литературоведении нет единого мнения о творческом наследии писателя, большинство выводов противоречивы и субъективны. Поэтому целью нашей статьи является изучение особенностей изображения абсурдной действительности в оригинальной повести Д. Хармса «Старуха».

Повесть «Старуха» была написана в первой половине 1939 года (за два года до смерти автора), а опубликована лишь в 1974 году в сборнике «Избранное» в Вюрцбурге (Германия). При жизни Д. Хармса текст не был опубликован. Бытовые картины в повести, как и описанные действия, условны. Бытовой фон – это своеобразная стартовая площадка, с которой начинают разворачиваться абсурдные действия. Происходят события, которые не вписываются в жизненные нормы, а выходят за их границы.

Универсальный характер омерзительного, отвратительного образа старухи является своеобразной реализацией гротескного философского мышления главного героя. Отметим, что в русской художественной литературе образ старухи встречается не впервые. Так, неоднозначные образы пожилых женщин создавали А. Пушкин («Пиковая дама»), Ф. Достоевский («Преступление и наказание») и другие мастера прозы. Старуха в повести Д. Хармса является своеобразной модернистской вариацией, литературной пародией на традиционное продолжение истории пушкинской старой графини и процентщицы из романа Ф. Достоевского.

В повести «Старуха» писатель не указывает ни имени, ни отчества, ни фамилии этой женщины. В словаре С.И. Ожегова лексема (старуха) определяется так: «Женщина, достигшая старости. Дряхлая старуха. Превратиться в старуху (сразу постареть)» [1]. В данном случае номинация «старуха» является важным смысловым показателем.

Первый раз главный герой видит старуху в добром здравии на улице с настенными часами без стрелок, которые не указывают на определённое время, ассоциируются с остановкой времени или с его отсутствием. Актуализация алогизма этой фразы представлена следующей деталью, зеркально алогичной, когда главный герой вынимает карманные часы из кармана жилета и вешает их на гвоздь. Случилась путаница: настенные часы оказались в руках, в то время как карманные – на стене.

Следующая странная ситуация заключается в том, что, имея собственные часы, главный герой почему-то спрашивает время у старухи. Хотя на часах нет стрелок, но время она сообщает точно. Перед читателем представлена целая цепочка алогичных фактов.

Образ старухи во многих текстах отождествляется со смертью. Отсутствие стрелок на часах, которые держала старуха в руках символизирует ее причастность к миру, в котором либо нет категории времени, либо оно остановилось. Неслучайно она держала их в руках, т.е. время или его отсутствие в ее распоряжении. Очевидно, что старуха представляет обитателя потустороннего или граничащего со смертью мира. Эта старуха обладает каким-то таинственным, мистическим даром. Она безошибочно находит квартиру главного героя, не ждет его приглашения, бесцеремонно заходит к нему в дом и повелительным тоном произносит несколько реплик: «Закрой дверь и запири её на ключ, – говорит мне старуха. Я закрываю и запираю дверь» [2].

Властная женщина формулирует несколько команд, которые главный герой, смиренно подчинившись, беспрекословно выполняет. Часы без стрелок словно наделяют ее определенными полномочиями. Старуха располагается возле окна и, сев в кресло, умирает. Она не случайно садится именно возле окна, поскольку оно позволяет человеку наблюдать за тем, что происходит на улице, остальное можно домыслить. С одной стороны, окно выступает как граница внутреннего и наружного мира, а по Хармсу, за окном представлен иной, ирреальный, мир.

По народным поверьям славян чаще всего смерть является именно в образе безобразной старухи, человек в предсмертном состоянии не может с ней бороться. Начинается путешествие души главного героя по местам потустороннего мира. Ему снится, что он вышел из комнаты, а дверь захлопнулась. С ним происходят мистические ситуации. Только в состоянии сна приходит облегчение и исчезает мёртвая старуха. Когда герой просыпается, то видит, что старуха в его комнате.

Сон ассоциируется с мечтой, рассматривается автором как желание избежать событий действительности. Следует заметить, что герои произведений Д. Хармса нечасто видят сны, некоторые не могут уснуть, от этого могут даже умереть. Сон словно обещает человеку спокойствие, блаженство, покой. Процесс засыпания отождествляется с переходом в ирреальное измерение.

Л. Друскина вспоминает о том, как воспринял коллега А. Введенский повесть Д. Хармса «Старуха», связав произведение с направлениями левого искусства [4]. Писателя увлекало чудо, в которое он верил, порой себя ощущал чудотворцем, что может творить чудеса, но не всегда этого хочет. Связано с чудесными проявлениями состояние сна. Именно такая форма наиболее удобна и приемлема для того, чтобы совершались чудеса, в которые легко можно было бы поверить. Погружение в сон перекликается с воплощением человеческих мечтаний, счастливым соединением разорванных частей яви, которую так остро чувствовал писатель.

Хотя в анализируемом тексте повести изобилуют различные детали из повседневной жизни, у

читателя складывается впечатление, что действия происходят не на земле, а в ином мире. Переплетение фрагментов реальности с архаическими элементами создаёт параллельность миров каких-то механических, чуждых живому человеку. Состояние смерти старухи в тексте не связано с абсолютным концом жизни, скорее всего, это пересечение рубежа реальности, в условиях которой лежат истоки «новой жизни». Автор умело моделирует абсурд, опираясь на мотив сна, граничащего с ирреальным бредом, периодически вторгавшимся в привычную жизнь.

В этом тексте окно и дверь – это своеобразная дорога, по которой в земную жизнь вторгается имманентное, что сложно постичь логикой обычного человека. Следует заметить, аналогичную функцию выполняют окно и дверь в других хармсовских произведениях, например: в рассказе «Вещь» и стихотворении «Окно». Удивляет читателя и прохожий: «Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идёт человек на механической ноге» [2].

Хотя далее неожиданная гостья показана мёртвой, однако при этом не остаётся статичной, каждый раз главный герой замечает перемены (вид, поза, запах, положение челюсти, сравнения). Элементы описания портрета старухи постепенно усиливают отвращение: «Мёртвая старуха как мешок сидит в моем кресле. Зубы торчат у нее изо рта. Она похожа на мёртвую лошадь» [2]; «Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впилась одним зубом старухе в ноздрю... из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных шерстяных чулках» [2].

Открытый рот старухи связывают с речью, зеванием или криком. Беззубый рот омерзительной сообщает отсутствие определенной гармонии и вселяет тревожность. Открытый рот покойницы пугает и вызывает отвращение. Также открытый рот напоминает состояние сна, когда человек хочет кричать от ужасных видений, а звука нет. На наш взгляд, именно так автор усиливает впечатление от образной характеристики старухи, используя приём гротеска. Детали одежды также добавляют негативное впечатление от увиденного.

Умершая старуха сильно беспокоит главного героя. Её отвратительный вид и желание от неё избавиться так сильно овладевает главным героем, что он решает поместить её тело в чемодан, чтобы выбросить в болото на окраине города. Положив старуху в чемодан, он садится в поезд. Вдруг из-за съеденных несвежих сосисок он буквально повторяет движения старухи (ноги напряжены, кулаки сжаты). Герой испытывает острую физическую боль, описанную автором в гиперболизированной форме: «Но тут я вскакиваю и, забыв все вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит моё сознание...» [2]. Укажем, что физическая ущербность персонажей (рассказчика, старухи, прохожего с механической ногой) связана с состоянием утраты жизненных функций, постепенным отмиранием и разрушением физического тела, отделением души, её наблюдениями, очищением от скверны.

Добавим, что эпизод с пропажей чемодана с телом покойницы ассоциируется с долгожданным освобождением души от греха, духовным и физическим очищением. Поверить, что главный герой находится в реальном, а не фантастическом мире, помогает прикосновение к большой зелёной гусенице. Избавление от пережитого ужаса встречи со смертью ему приносит молитва.

Стоит указать, что в анализируемом нами произведении писателя отражены советские социальные реалии 30-х годов XX века, в которых проявляются гротескные и абсурдные черты. Текст произведения в аллегорическом звучании воспринимается в двух плоскостях: собственно текст и внетекстовая реальность. Обе плоскости имеют как точки соприкосновения, так и различия, что соответствует критериям абсурда. Согласимся с позицией Я. Шенкмана, определившего, что текст повести «Старуха», гармонично вплетается в мировой гипертекст [3]. Л. Грубишич предлагает рассматривать художественный образ в рамках литературных традиций, а также воспринимать произведение в социально-политическом аспекте действительности [5]. Главный тезис исследования литературоведа – это отображение полемики тогдашнего советского общества.

Таким образом, Д. Хармс в повести «Старуха» мастерски создаёт мир, живущий по законам игрового, абсурдного, гротескного, комического, высокого и низкого, позволенного и запретного, важного и пустякового, религиозного и бездуховного. Писатель оригинально моделирует цикл ситуаций, в котором сознание героя не способно различить, в каком состоянии он пребывает во сне или на яву, под влияни-

ем галлюцинаций, нелепой реальности, слухов об умерших или какой-то имитации. И герою, и читателю сложно определить физическое состояние: сон, иллюзия, смерть, болезнь, реакция на действительность.

Текстовый материал повести создан из различных фрагментов, передающих то реалии современной автору действительности, то события из мира кошмарных сновидений, то потусторонние картины. Конкретное время, за течением которого постоянно следит герой, показано параллельно с миром, в котором оно остановилось или полностью отсутствует.

Список источников

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 с.
2. Хармс Д. И. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драмы. Письма. – Л.: Наука, 1988. – 560 с.
3. Шенкман Я. С. Логика абсурда : (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы. – 1998. – № 4. – С. 54-81.
4. Шубинский В.И. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.
5. Grubiöić Lj. Laughing at the Void: A Structural Analysis of Kharmsís î The Old Womanî. In : Oregon Studies in Chinese and Russian Culture // American University Studies. Series XII. Slavic Languages and Literature 13. – 1990. – 120 p.

© С.Н. Безклеяная, 2022